

Алексей Корепанов

ОБЫКНОВЕННАЯ ПРОГУЛКА

Алексей Корепанов

Обыкновенная прогулка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Корепанов А. Я.

Обыкновенная прогулка / А. Я. Корепанов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Эдгар совсем не удивляется, попадая в разные миры, времена и пространства. Он общается с Марсианским Сфинксом и Лазурным Рыцарем, Отражением и Двойником, слушает и говорит, и идет дальше. Он надеется на новую встречу с библейской героиней Юдифью и ведет разговоры с Драконом и Путешественником во времени. Все мы существуем не только в реальном мире, но и в мире собственного воображения. И этот мир не менее реален. А может быть, он — самый главный...

© Корепанов А. Я.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Алексей Корепанов

Обыкновенная прогулка

...То ли утром, то ли ночью – сразу не пойму – подмигнул троллейбус мне стеклянным глазом. Я – ему. Сумрак растолок квадратной мордой в порошок, микрофоном буркнул что-то гордо – и ушел.

Неправда. Подтасовка фактов. Ужимки искаженного мира, хотя какое это имеет значение? Не все ли равно, что сказать?... Другое главное, даже если этого другого и нет. Впрочем, морочить голову людям, разводить псевдофилософию и *казаться* – не самое худшее из всего, что может происходить в континууме. Тем более, факты искажаются только в интересах читателя.

Кон-ти-ну-ум. Вкусное слово. Выпуклое, твердое, важное. Можно сказать, заносчивое. Чопорное. Вот-вот, именно – *чопорное*. Раздулось от гордости за свою неординарность и свысока поглядывает по сторонам – все ли смотрят преданно, все ли трепещут? Кон-ти-ну-ум. А всего-то – какие-то там совсем необязательные измерения. Измерения чего – неважно, а уж зачем – и вовсе не интересно. В общем, если говорить... А если не говорить? Да, лучше не говорить. Не тонуть в трясине слов.

Троллейбус растолок квадратной мордой серое утро, и он ощутил на себе полусонный взгляд круглых светящихся стеклянных глаз. Лязгнули, открываясь, двери. Гордо буркнул микрофон. Именно гордо и именно буркнул.

Он вошел в салон, сел у окна, и троллейбус двинулся в путь. Куда именно – объяснять не будем, потому что нет ничего хуже объяснений. Попробуем обойтись без них. Поехал себе человек – ну и поехал. Поехал по утренней улице, через город. Нет, *сквозь* город, или – *сквозь* время. Сквозь время – лучше, поэтичнее, можно сказать. Мы *сквозь* время идем, не сгибаясь в космическом реве... Правильнее, наверное, «не оглохнув в космическом реве». Но не так красиво. Так вот, к вопросу о поездке *сквозь* время. Можно, конечно, просто сидеть у окна на кухне, позевывать, и, тем не менее, двигаться во времени. Со временем. Но чувствуете разницу? **ВО** времени. **СО** временем. **ПО** времени. А тут – **СКВОЗЬ** время. Такой вот нюанс. Впрочем, пока мы рассуждали, он уже приехал туда, куда ему было нужно, и вышел. Вышел – и огляделся.

Теперь стало окончательно ясно, что в окружающей среде наступает именно утро, а не вечер, потому что погас бледный свет длинношеих искусственных фонарей, и за домами предвиделось скорое явление дневного природного фонаря, то есть, попросту, солнца. Солнце имело устоявшуюся привычку каждое утро всходить на востоке, а уползать почему-то на запад, а не на юг или, скажем, север. Смирилось оно, что ли? Кто знает... Может, обет такой дало. Раньше ведь модно было давать обеты по всякому поводу. В старые времена. А солнце, вероятно, и дало такой обет именно в старые еще времена. Во всяком случае, об ином поведении нашего светила летописи не сообщают. Как, впрочем, и о том, что солнце *каждый день* появлялось на востоке. Да и не в солнце дело.

Красное солнце по утрам. Видимо, злится, что работать приходится за двоих, за себя и за напарницу свою непутевую. За эту самую Немезиду. Ничего хорошего от нее не было и, наверное, уже не будет. Явилась на работу раз за сколько-то там миллионов лет, сгубила ни в чем не повинных добродушных динозавров и скрылась в космических далях. Ни ответа, ни привета. Жди теперь, когда заявится и снова что-нибудь натворит. И никакая черная дыра ее не берет! Наслышаны, видно, все про историю с динозаврами и считают: а ну ее, лучше не связываться, себе же дороже будет. Правильно считают.

Да, непутевая, непутевая напарница нашему Солнцу досталась. Другие живут душа в душу, не нарадуешься ведь на какой-нибудь там Сириус или DQ Геркулеса, а уж о такой тесной

паре, как Бета Лиры, и вовсе говорить невозможно – слезы умиления мешают. А тут на тебе: ни помощи, ни теплого слова. Скрылась в этих самых космических даях и строит коварные планы очередного визита. Теперь уже, небось, на «двуногих прямоходящих» зуб точит.

И чем ей, Немезиде, динозавры-то помешали? А ведь не будь ее, глядишь, через пару миллионов лет взяли бы эти динозавры в лапы по палке, потом до скребков и рубил добрались, измыслили каменные топоры, Прометей бы им огоньку подбросил, чтобы овладели методами огневого земледелия – и стали бы венцом природы. И земли новые открыли, государства создали, троллейбусы те же самые с квадратными мордами, только побольше, разумеется, чем теперешние – и покатилося бы колесо прогресса по звездным дорогам вдогонку за удирающими галактиками.

В общем, вставало солнце.

Он медленно направился по асфальтированной дорожке к одинаковым пятиэтажкам. Ночью было ниже нуля, поэтому на асфальте лежал тонкий ледок. Ледок с нетерпением ждал дневного потепления, чтобы растаять и вовлечься в природный круговорот.

Какой смысл в континууме и динозаврах, в Немезиде и троллейбусе, в этой утренней поездке наконец? Всегда и во всем привыкли искать смысл, видно, так устроены, и забываем порой... Нет, не так. Порой мы склонны искать смысл в тех вещах, в которых его нет. Да и что такое смысл? Есть движущаяся материя – так нас учили. Ее можно потрогать, попробовать на вкус, определить с помощью приборов наконец, но смысл-то какими приборами определишь? Опять, конечно, псевдофилософия. Даже нет – псевдофилософствование. Хорошо все-таки, что кто-то придумал слова: с их помощью можно сделать вид, что объясняешь даже то, чего объяснить никак нельзя. Хвала словам, словам – хвала!

Он скользил по дорожке, и никто его не догонял, и никто не шел навстречу. Утро было субботнее и слишком раннее, многие еще спали, покоились, так сказать, в объятиях Морфея. Правда, собаководы уже вывели своих чад на прогулку. Одно такое чадо вылетело на дорожку из кустов, заскользило всеми четырьмя мохнатыми лапами по утреннему ледку, рвущемуся в природный круговорот, вывалило от счастья язык и галопом поскакало к детской песочнице.

День обещал быть погожим.

Он вошел в подъезд и начал подниматься по лестнице. Стены подъезда до половины были выкрашены темно-зеленой краской, а выше шли разные надписи, нацарапанные на побелке. Они представляли собой лаконичные информационные сообщения или, скажем, малые посылки силлогизма, с четко обозначенным субъектом и предикатом суждения. Одна надпись вдоль лестничного марша, ведущего на площадку третьего этажа, заставила его остановиться.

«Валька – дура» – безапелляционно вещали руны. Ниже значилась подпись: «Экклезиаст». Возможно, Экклезиаст и мог поведать нечто подобное в каком-нибудь апокрифе. Возможно, и поведал. Ведь изрек же Иисус перед смертью: «Придурки вы все!» – только это предпочли пропустить мимо ушей и никак не отразить в евангельских текстах. Звучало такое высказывание уж больно нехорошо. Неуважительно.

Он позвонил у двери и стал ждать результата. Дверь была обита коричневым дерматином с подкладкой, продырявлена глазком и поймана в сети учета двумя жестяными цифрами из магазина «Тысяча мелочей». Из-за двери не доносилось никаких звуков.

Сама идея воздвигать преграду у входа в жилище преследовала две цели: сохранения тепла и защиты от нежеланных гостей. Какая из них первична, а какая вторична – сказать трудно. Возможно, они появились одновременно, хотя это никем и не доказано. Как, впрочем, и обратное. Идея преграды у входа в жилище могла возникнуть у наших пращуров при созерцании неба, а по-нашему, атмосферы – закрытой двери, препятствующей вторжению космоса на планету. Но с таким же успехом она могла и не возникнуть, потому что у пращуров вряд

ли имелось время, а то и способность размышлять о таких вещах. Вкалывать нужно было от зари до зари. Хотя кто знает, о чем они там размышляли? Может быть, додумались и до идеи континуума, и до Илема, и до возможности (но необязательности) разумной жизни в других мирах, и до законов диалектики. Только потом все забыли, так как письменность еще не изобрели, а передавать устно из поколения в поколение размышления о столь абстрактных вещах не имело смысла.

Хотя кто знает... Может быть, «Пифагоровы штаны», формула А. Эйнштейна и закон Бойля – Мариотта являлись не просто плодами раздумий индивидов, поведавших однажды миру, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы, энергия – это « m », умноженное на « c » в квадрате и так далее, а были заложены в их генетической памяти. Кто знает...

Он еще раз придавил звонок. Сквозь дерматин с подкладкой просочились мелодичные переливы. За дверью не реагировали. В подъезде стояла тишина. Относительная тишина, потому что в трубах парового отопления негодуяще шипела вода, где-то вверху или внизу вдруг загудел то ли пылесос, то ли излучатель антиматерии и отдаленный женский голос отчетливо сформулировал: «Отойди от холодильника, зараза!»

Он задумчиво потер подбородок, поиграл шнурками куртки и толкнул дверь.

Как правило, за любой дверью нас что-то караулит. Неожиданность, счастье (реже), неприятность, встреча, телевизор, беседа, ссора, поцелуй, сицилианская защита, хук справа или слева, головомойка, стопка водки наконец. Еще одно предположение к высказанным ранее: преграда у входа в жилище воздвигнута для того, чтобы за ней нас что-то ожидало. Хорошее или плохое. В худшем случае, нейтральное. Все зависит от множества факторов, перечислять которые нет ни возможности, ни – самое главное – желания.

А что же ожидало за этой дверью?

За дверью оказалась прихожая с зеркалом на стене, вешалкой, телефоном на полочке, щетками для обуви и для одежды и прочей дребеденью. Он пересек прихожую и заглянул в комнату. На диване лежала открытая книга синей обложкой вверх, но на обложке не было надписи. На столе стояла чашка, и над ней поднимался парок, но чашка была пуста. Шкаф заполняли книги, но они тоже были безымянными, без авторов и названий. На полу у кресла лежала тетрадь, и он знал, что страницы ее чисты. Еще в комнате существовала хрустальная ваза без цветов и множество других безликих вещей, которые то ли существовали, то ли казались существующими. А некоторые, возможно, даже и не казались. Не утруждали себя бесполезными усилиями.

А в чем разница между существованием и как-бы-существованием? Все ведь относительно в этом случае, все зависит от личного опыта, настроения, образа мышления и жизни, потребностей, желания, особенностей восприятия, времени года и времени суток, температуры окружающей среды и собственного тела, атмосферного давления и солнечной активности. Собственно, главное – от воображения. От воображения.

Другой вопрос: можно ли увидеть прошлое или будущее? Увидеть и дотронуться. Прикоснуться. Прочитать название вчерашней книги или книги завтрашней. Утолить жажду водой вчерашнего дня и дня завтрашнего. Соберите воедино все смертоносные бомбы и взорвите их одновременно над завтрашней или вчерашней поляной – дрогнет ли хоть одна травинка в прошлом, долетит ли хоть слабый отзвук до будущего? Вероятно, у континуума свои законы. Или нет законов. Но отсутствие законов – это тоже закон. Так что никуда не деться. Кстати, дальше в повествовании, кажется, не ожидается каких-то проблесков. И конца не будет, потому что конец превратится в начало. Именно здесь, возможно, находится начало того самого пресловутого конца, которым оканчивается начало. Круг – прекрасный образ бесконечности. В нашем, естественно, понимании, потому что пониманием не нашим мы пока что, к сожалению или счастью, не обладаем.

Он немного походил по комнате, трогая и переставляя существующие, кажущиеся и даже не кажущиеся вещи, закрыл лежащую на диване книгу с чистыми страницами и поставил в шкаф, поправил ничего не изображающую гравюру на стене и подошел к окну. Из окна в комнату падал свет, но за окном ничего не было. Так, серая пустота. Правда, вскоре в пустоте появились два бредущих человека (или нечеловека – кому как удобней), – но они прошли себе справа налево на уровне его глаз и скрылись. Возможно, шли к троллейбусной остановке. Или на прогулку среди колец Сатурна. По диску Керра. По его краю. Чтобы погулять во времени в свое удовольствие.

А хорошо бы погулять во времени...

Он, наверное, долго бы стоял у окна, разглядывая пустоту, но в прихожей зазвонил телефон. Зазвонил не мелодично, как давеча звонок-колокольчик, а требовательно, настойчиво, нетерпеливо, словно имел на это право.

Конечно, если уж в прихожей оказался телефон – он непременно должен зазвонить.

Он немного подождал, но в этой квартире, очевидно, ни на какие звонки не отзывались. Телефон заходился в истерику. Он пересек комнату, на ходу подтолкнув рукой большую стрелку настенных часов без циферблата, снял трубку и поднес к уху.

– Слушаю.

– Прогулки во времени невозможны, – деловито сообщила трубка хрипловатым, но не лишенным приятности голосом. Звонили, вероятно, издалека, потому что в трубке потрескивало, и голос звучал невнятно. – Впрочем, не совсем, – после некоторого размышления добавил голос.

– Я знаю, – сказал он и положил трубку.

Он знал предполагаемый ответ о неисчерпаемых способностях воображения, о лучшей машине времени, которая позволяет одновременно быть и в будущем, и в прошлом. И, естественно, в настоящем. Кстати, вот парадокс: если встретятся Вчерашний, Сегодняшний и Завтрашний, и крупно повздорят, и Завтрашний убьет Вчерашнего – Сегодняшний останется. И если Вчерашний убьет Сегодняшнего – Завтрашний останется, хотя это и кажется невероятным. И какие варианты не рассматривай, всегда одна из трех, так сказать, ипостасей остается невредимой. Невероятно? Но парадокс на то и парадокс, чтобы казаться невероятным.

Казаться. Не верите – попробуйте. А ведь это еще на уровне арифметики.

Уходить ему не хотелось, но уходить было нужно, потому что за спиной, в комнате, с легким шорохом происходили какие-то метаморфозы, и кто знает, чем все это могло кончиться. Отыскивай потом дорогу, цепляясь за хвосты попутных комет!

Он поправил шарф, застегнул куртку и, не оглядываясь, открыл дверь в другую комнату.

За дверью тянулась неширокая длинная аллея, обрамленная высокими деревьями, кипарисами, как он догадывался, и вдали опять шли двое. Вопреки ожиданию, над аллеей раскинулось звездное небо. Звездные циферблаты. Он шагнул в комнату-аллею, закрыл дверь и остановился, прислонившись к стволу кипариса. Он ждал, когда эти двое подойдут ближе.

И они подошли, и прошли мимо, и один из них молча кивнул ему. Его спутница смотрела прямо перед собой, еле слышно шептались кроны кипарисов, до утра было не так далеко, и под ногами идущих шуршали сухие октябрьские листья. Он не посмел идти следом за ними и только смотрел, как они удаляются, такие одинокие и печальные, ведя медленный разговор, который не мог кончиться ничем хорошим. Много бы он отдал за возможность пройти по этой аллее... Много можно отдать, если есть *что* отдать. А если нет? И что именно можно отдать? Память, чувства, желания, способность мыслить, жизнь? Но если отдать хоть одно из этого перечня – какой смысл в приобретении? Теряется смысл. Единственное, что можно отдать без всякого ущерба – это бессмертие. Но нельзя отдать то, чего нет – вот ведь в чем загвоздка.

И осталась за дверью кипарисовая аллея, а он снова оказался в прихожей, где все как-то странно изменилось. Потолок убежал ввысь, стены раздвинулись, полочка с телефоном едва

виднелась на горизонте, зеркало отражало утренний свет далекой звездой, а вешалка висела в вышине, как неопознанный летающий объект или, скажем, аномальное атмосферное явление.

Между прочим, неопознанные летающие объекты мы не можем опознать не потому, что это сделать невозможно, а потому, что мы не хотим их опознавать. Скучно жить в мире без тайн, согласитесь. И даже если в конце концов одни из них будут твердо идентифицированы с шарами-зондами, другие – с частями наших космических аппаратов, сгорающими в атмосфере, третьи с шаровыми молниями, а четвертые с облаками – все равно всегда найдется хоть один НЛО, который останется загадочным. Иначе нельзя. Иначе будет слишком грустно.

Хоть и сгустился вечер, но было еще светло. Он шел, а ему навстречу спускался НЛО. Вот сейчас начнется контакт... И тогда закричал он грозно: «Улетай, бестолковый чудак, пока ты еще не опознан!»

Возможно, приходящая оставалась такой же, просто он стал воспринимать ее по-другому. Много же ведь зависит от восприятия. «Все, здесь написанное, весьма интересно». – «Ну что вы, такая чепуха!» Вот где ключ.

Справа от полочки с телефоном, на узорчато-зеленом обоевом горизонте, в бледной дымке виднелся город. Город казался игрушечным. Остроконечные башенки венчались полузабытыми флюгерами: стрелками, петушками, флажками, парусниками, человечками. Все они, конечно, показывали разное направление ветра и все, конечно, морочили голову, потому что никакого ветра не было и в помине. Так иногда прокатывалась легкая волна, от которой чуть заметно покачивались цветы, изображенные на открытке с золотистой надписью «Поздравляем!», лежащей на полу под вешалкой. Открытка тоже морочила голову, потому что никого не поздравляла.

Он неторопливо шел к игрушечному городу, насвистывая что-то незатейливое, изредка глядя по сторонам и улыбаясь. Далекая звезда зеркала погасла, и наступили легкие сумерки.

Вот ведь еще обидное несоответствие между реальностью и видимостью реальности. Может быть, уже погасли все звезды этого мира, а мы их все еще видим, и гуляем в ночи под звездным небом, и сочиняем стихи под звездным небом, и просто спим под звездным небом, спим спокойно, потому что уверены: небо – *звездное*. А оно, возможно, давным-давно нас обманывает, давным-давно только кажется, и нет в природе никакого звездного неба. Обидно. Уж лучше сразу жить в темноте, чем с трепетом ожидать, когда же эта темнота наступит.

Обидно вдвойне, потому что мы строим какие-то планы, надеясь на звездное небо, мечтаем и с нетерпением ждем грядущего, и не знаем, что, быть может, в грядущем не ждет ничего хорошего. Хотя и догадываемся порой. А насколько бы изменился образ нашего мышления, знай мы с самого начала, что небо никакое не звездное. Как бы лелеяли мы себя! А так тешим себя надеждами и умиляемся тому, чего на самом деле, возможно, и нет. Послушайте, как самоуверенно звучит:

«В результате огромной работы, проделанной астрономами ряда стран, мы многое узнали о различных характеристиках звезд, природе их излучения и даже эволюции».

А какое веское название: «диаграмма Герцшпрунга – Рассела!»

«Скажи, звезда с крылами света, скажи, куда тебя влечет?...» – так, кажется?

Хотя цитируют обычно тогда, когда своих слов не хватает. А тут можно просто утонуть в трясине слов.

Ладно. Поставим точку. Знак препинания. То есть, конечно же, знак продолжения. Потому что игрушечный город уже совсем рядом.

Вблизи город оказался вовсе не игрушечным. Домики были двухэтажными, разноцветными, уютными на вид, с фигурными окнами, балкончиками, черепичными крышами, вышеупомянутыми флюгерами, рельефными стенами, розами в висячих палисадничках (если это именно так называется) и с телевизионными антеннами индивидуального пользования на каждом балкончике. Улицы были вымощены гладким булыжником. У перекрестка стояла стан-

дартная будка телефона-автомата. На одном из угловых домиков, над аккуратной дверью, газосветная вывеска извещала: «Комбинат бытовых услуг». Вывеска не горела.

И было безлюдно.

Кстати, пора уже дать имя нашему герою. Местоимение «он» в конце концов приедается и может даже привести к путанице, если «он» столкнется с кем-то другим, тоже безымянным, и будет достаточно долго иметь с этим тоже безымянным дело. «Он взял пистолет, оценив его взвесил его на ладони, подошел к барьеру – он был в десяти шагах, – тщательно прицелился, выстрелил – и он упал». Кто упал: барьер, пистолет, тот, в кого стреляли или тот, который стрелял, потому что другой опередил – не совсем понятно. Так что нужно наконец определиться. Казалось бы, самое время задуматься о значении наименования того или иного явления континуума, о роли, которое играет слово «роза» в том, чтобы роза действительно стала розой, – но не будем задумываться. Достаточно того, что мир взят в плен определениями явлений. Подумать только: «очарованность», «странность»... Стоит дать определение – и на душе спокойней. Понятней, может быть, не становится, но – спокойней.

Итак, его звали Эдгар. Конечно, очень даже возможно, что его звали вовсе не Эдгар, но разве в этом дело? Определение дано – значит, можно смело двигаться дальше. Ведь что такое дать наименование какому-то явлению? Договориться называть его именно так, а не иначе. Вот и договоримся.

Итак, его звали Эдгар. И не надо никаких ассоциаций. Мы только усложняем себе жизнь способностью к ассоциативному мышлению.

Эдгар подошел к двери ближайшего светло-коричневого домика с треугольной башенкой и флюгером в виде лука со стрелой и поднял руку, собираясь постучать. И не постучал, потому что увидел вложенную в дверную ручку свернутую бумажку. Бумажка оказалась короткой запиской.

«Неосуществленные надежды», – было написано в ней.

– Неосуществленные надежды, – задумчиво повторил Эдгар, сложил записку и вернул на прежнее место.

Ему не хотелось встречаться с неосуществленными надеждами.

Согласитесь, вы поступили бы точно так же. Исторические параллели нежелательны, но все-таки вспомним Наполеона. Хотя, с другой стороны, если надежда осуществлена – это уже совсем не интересно. Тут даже примеров приводить не надо. Ткни пальцем в любую точку континуума – вот тебе и пример.

У входа в следующий домик Эдгар решил не стучать. Он просто открыл дверь и оказался в небольшом уютном зале. Лестница-спираль с деревянными резными перилами вела наверх. В зале стояли несколько вычурных кресел, низкий диван и большой круглый стол темного дерева с изогнутыми ножками. Стены были увешаны коврами, вернее, гобеленами с пастухами, пастушками, драконами и батальными сценами. В простенках между небольшими окнами с кисейными белыми занавесками висели большие цветные фотографии, запечатлевшие первый визит землян на Луну («Мы пришли с миром от имени всего человечества»). А в углу, за тумбой с внушительными старинными (или стилизованными под старину) часами с ординарной надписью на циферблате «Vulnerant omnes, ultima necat», что значило: «Ранят все, последний убивает», стоял рыцарь в полном блеске своих доспехов, с копьем, зажатым в массивной перчатке, какой-нибудь мессир Ивэйн, славный сын Уриена, короля земли Горр, или мессир Говен, славный сын Лота Оркнейского (как классифицировал его Эдгар). Собственно, рыцарь должен был сказать хоть слово или как-то по-другому отреагировать на появление Эдгара, но он никак не отреагировал.

Эдгар сел на диван и принялся разглядывать фотографии Первой лунной экспедиции, ожидая, когда же мессир соблаговолит заговорить. И мессир соблаговолит. Он откинул забрало, тяжело переступил с ноги на ногу, заскрежетал доспехами и попросил закурить. Эдгар

подошел, протянул пачку «Опала», но мессир никак не мог извлечь из нее сигарету – мешали перчатки, которые он не хотел или не мог снять. Эдгар вставил сигарету между растопыренными пальцами рыцаря, с некоторым смущением наблюдая, как она, поднесенная к шлему, повисла в пустоте под забралом, чиркнул спичкой.

– Благодарю вас, – произнес голос из пустоты.

– Не стоит, – сказал Эдгар и вновь расположился на диване.

Мессир курил, не выпуская копыя, иногда простуженно покашливая и с изыщной – насколько это позволяли доспехи – небрежностью стряхивал пепел прямо на часы с печальной надписью. Сначала Эдгара несколько смущала пустота под забралом, но потом смущение прошло.

– Вы один здесь? – спросил наконец Эдгар, чтобы завязать разговор, потому что славный сын Уриена был, казалось, всецело поглощен процессом, вредным для здоровья, как значилось на пачке «Опала».

– Нет, отчего же? – отвечивал рыцарь. – Нас двое.

Эдгар еще раз оглядел зал, но, естественно, больше никого не обнаружил.

– На втором этаже или тоже невидимка? – полюбопытствовал он.

– Отчего же? – опять отвечивал мессир. – Я имел в виду вас.

Или это была шутка в духе общества, собиравшегося когда-то за Круглым столом, или мессир старался быть чересчур точным с ответами. Или понимал все слишком буквально.

Эдгар не знал, о чем нейтральном можно еще спросить – ну не говорить же, в самом деле, о погоде? – а задавать прямые вопросы он как-то не решался.

Некоторое время в зале царило молчание, прерываемое только покашливанием рыцаря. Поскольку над шлемом мессира вздымались роскошные лазурные перья, будем называть его Лазурным Рыцарем.

Потому что он вполне мог и не быть Ивэйном, Говеном, равно как и Клижесом, Персевалем, Ланселотом и Эскладосом Рыжим. Других Эдгар просто не припомнил.

Взгляд Эдгара вновь остановился на фотографии Нейла А. Армстронга и Эдвина Э. Олдрина на фоне лунного отсека «Орел».

– А откуда здесь эти фотографии?

Лазурный Рыцарь уронил окурочок на паркетный пол и с грохотом придавил подошвой. Усеянные пеплом старинные часы вдруг заиграли, словно разбуженные этим грохотом. Они предупреждали об очередной нанесенной ране. Играли они довольно мелодично и долго, а потом начали бить, и делали это весьма внушительно, так что звякали и качались подвески монументальной люстры и трепетали нежные белые занавески. После шести ударов часы угомонились.

Эдгар не знал, стоит ли повторять вопрос, потому что Лазурный Рыцарь опустил забрало и застыл в обычной позе музейных рыцарей. Вероятно, привык так стоять.

Эдгар, поколебавшись, решил подняться наверх, но у лестницы-спирали с деревянными резными перилами его остановил голос Лазурного Рыцаря. Слова из-под забрала доносились невнятно, но достаточно громко.

– Не советую туда ходить, – сказал Лазурный Рыцарь, и лазурные перья над шлемом колыхнулись. – Можете... э-э... опоздать на работу.

Предупреждение было вполне аргументированным. Эдгар остановился.

– К тому же телевизор там неисправен, – продолжал рыцарь. – Полетели предохранители. Знаете, всякие там явления. А фотографии, – тут он немного замялся, – н-ну, скажем, оставлены в подарок.

– Кому?

– Мне, естественно.

– А кем?

Рыцарь переступил с ноги на ногу и нервно дернул копьём.

– Послушайте, я же не спрашиваю, кто вы и что здесь ищете! – Наконечник копья описал угрожающий круг. – Я же ни о чем не спрашиваю!

Нервы Лазурного Рыцаря явно были расшатаны утомительными турнирами. Наверное, часто приходилось играть на выезде при необъективном судействе.

– Извините, – миролюбиво сказал Эдгар.

– Принимается, – пробурчал Лазурный Рыцарь.

– Я пойду, – сказал Эдгар.

– Идите, – пробурчал Лазурный Рыцарь.

И Эдгар ушел.

Такие вот порой бывают встречи. Вроде и говорили, перебрасывались словами, а содержания никакого. Впрочем, в континууме и не такое случается.

Теперь все-таки сделаем паузу для отдыха – и потом пойдем дальше.

* * *

В городе обосновались устойчивые сумерки: было не то чтобы очень светло, но и не так чтобы очень темно. Источник света невооруженным глазом не наблюдался, а над головой Эдгара простирался потолок с желтоватыми потеками – видимо, соседи сверху как-то ушли, забыв закрыть воду. Вполне обычная для ответственных квартиросъемщиков история.

Эдгар остановился на перекрестке и закурил. Пока он стоит, прислонившись к желто-красной будке городского телефона-автомата и пускает дым в направлении неопознанного летающего объекта, то есть опознанного и нелетающего, то есть вешалки, можно отметить следующее: неоновая вывеска «Комбинат бытовых услуг» загорелась дрожащим синим светом, причем буквы «м» и «т» в слове «комбинат» и буква «л» в слове «услуг» не подавали никаких признаков жизни, а первая буква «ы» в слове «бытовых», напротив, была жизнерадостна до состояния непрерывной пульсации. Словно она вообразила себя в некотором роде пульсаром. Что, впрочем, никому не возбраняется. Можно ведь выдавать себя за что угодно, если только это не идет во вред окружающим. Кроме того, флюгеры на всех зданиях внезапно как по команде повернулись на сто восемьдесят градусов, что совпало по времени с собачьим лаем на лестничной площадке. Следует подчеркнуть: совпало по времени, а не по причине собачьего лая, потому что вышеуказанный лай мог и не быть причиной подобного поведения флюгеров. А еще на фоне обойного горизонта по направлению к кухне над городом проследовал летательный аппарат в форме перевернутой вверх дном тарелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.